

Глава 38. Память о прошлой жизни

Зачастую мы видим прошлое не так, как оно было на самом деле. Мы можем думать, что раньше было лучше, чем сейчас, что все изменилось независимо от нас, пока нас не было, но так ли это на самом деле? Возможно, что все оставалось постоянным на протяжении множества лет, а изменились лишь мы. Изменились, но оставили память о себе в прошлом. Так ли это на самом деле?

Не знаю, но сейчас я стояла и была шокирована тем видом, в котором предстал передо мной человек, служивший для меня тираном и являвшийся наиболее большим страхом. Сейчас этот монстр казался не более чем обычным ничтожеством, мошкой, как выразился бы каменный демон. Я безразлично смотрела на это бесформенное тело, на душу, которую даже личностью-то назвать уже нельзя было.

-Уйдите, - приказала я окружающим нас душам.

После моих слов каждый из них трусливо засеменил в сторону, куда ушли охранники и мой сопровождающий. Мой отец, лежащий прямо передо мной, решил было тоже уйти, на четвереньках уползая вместе с ними:

-Ты, останься, - уточнила я, показывая на него рукой.

-Я? Почему? - дрожащим голосом спросил он, осев на землю и с опаской смотря на хлыст в моих руках.

Через несколько секунд мы остались одни в этом аппендиксе шахты.

-Как ты умер? - воспоминания прошлой жизни пытались пробиться сквозь чувства, эмоции и память этой жизни, я пыталась взять себя в руки.

-Я... - заикался он, - У меня был цирроз печени, рак легких, но в итоге остановилось сердце. Так мне сказали уже здесь.

-Ничего удивительного, - пробормотала я, вспоминая его образ жизни, - У тебя были дети? Сколько? - я вспомнила слова старого демона о том, что у него остался еще живой младший сын.

-У меня был один единственный сын, - мямлил он.

-Один? - переспросила я.

-Да, - активно закивала душа передо мной.

-Всего один? Это точно?

-Да. Он еще жив и уже должен учиться в школе, - я едва слышала его бормотание.

-Больше не было? - я знала, что он ответит, но что-то заставляло меня переспрашивать это еще и еще. Я верила. Нет. Надеялась на то, что услышу так сильно желанный мне ответ.

Я ненавидела его всей душой, не хотела больше его видеть, но... Почему-то я желала, чтобы он вспомнил, чтобы он сказал обо мне хотя бы что-нибудь.

-Не было.

После его слов внутри меня все сжалось. К горлу подступал большой комок, а сердце бешено стучалось, прощаясь со мной перед уходом в пятки. Мои пальцы на руках окоченели, как и на ногах. Сильный холод охватывал мои ноги и роки, отчего они дрожали.

-Как же так? – сама себя спрашивала я, - «Может быть такое, что я ошиблась и это не мой отец?» - я еще раз внимательно рассматривала душу передо мной, - «Нет, это точно он. После того, что я пережила, могу узнать его из сотен тысяч других, да и вряд ли тот пергамент показал бы информацию о нем в ином случае».

-Эм, - начал было он, - Я могу идти?

-Сейчас ему должно было быть тридцать два года, - игнорируя его слова начала я.

-Кому? – отец непонимающе смотрел на меня.

-Она же была старше его на девять лет. Ей должно было исполниться сорок один, - я продолжала.

-О ком вы? - в страхе смотрел он на меня.

-Даже сейчас ты не можешь вспомнить о них? – мой вопрос остался без ответа.

-Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, - морщинистое лицо старика скривилось.

-Разве они не должны были стать неотъемлемой частью твоей жизни? Разве ты не должен был помнить о них всегда? Особенно о ней...

-Вы меня точно с кем-то спутали!

-Твой старший сын – Дмитрий и твоя дочь – Тамила, неужели ты забыл о них?

-А? – после услышанного он попытался отползти от меня, я же шла за ним, - Что? Как? Не может быть! Откуда вы знаете?

-Откуда? – усмехнулась я, - Я – демон. Здесь мне известно все о тебе.

-Я понял, вы пришли наказать меня за них! Но ведь это не справедливо! Это не честно! Дима умер не по моей вине! А все остальное – лишь воспитание! С ним нельзя было по-другому! – кричал он.

-А Тамила? – в руках я крепко сжала плеть, что дал мне старик.

-Тамила? Эта идиотка сама виновата! – он в ужасе смотрел на мою руку, - Она была сумасшедшей! Мы с матерью пытались ее вразумить, но у нас ничего не выходило! Она сама это сделала! Я здесь ни при чем! – он спиной уперся в каменную стену.

-Сумасшедшая? – воспоминания о прошлом взяли надо мной верх, - Идиотка? – прошлые обиды, что скрывались во мне годами, всплыли наружу, - Лишь воспитание? – злость начинала кипеть с новой силой, - Нельзя по-другому? – пролитые слезы отдавались во мне желанием мести, - Сама виновата? – я будто впала в безумие, - Ты здесь ни при чем? – я занесла над собой руку с плетью, - Это не справедливо? Я покажу тебе, что такое справедливость, - со всей силы я выбросила руку вперед от себя. В воздухе раздался оглушительный звонкий хлопок, после которого шахту разрезал вой боли.

-Ну как тебе? Нравится? – улыбалась я, заноса руку для второго удара, - Нравится поменяться местами? – еще за одним ударом последовал новый крик и мольбы о пощаде, - Нравится ощущать себя беспомощным? – новый хлопок, - Нравится это чувство боли? – снова, - Тебе очень больно, да? – еще два крика агоний, - Но это только воспитание, - вновь крик, - С тобой ведь нельзя по-другому, - мой смех раздался после очередного крика боли, - Я ведь просто хочу быть гордой за тебя, - после этих слов последовали еще три хлопка, - Ты не знаешь о том, как жить в реальном мире! – мои слова чередовались с ударами, - Если ты не можешь вытерпеть всего пару ударов, то как будешь жить потом? – удары чередовались с криками и воем, - Это все ради тебя! – крики продолжали разрезать пространство пустой шахты вместе с щелчками от плети и словами маленького обиженного мальчика.

Мертвая тишина овладела, казалось, всем миром. Тишина, пробирающая до костей. И в этом мертвом мире был слышен тихий шепот:

-Ты, правда, о нас забыл? – в уголках моих глаз были видны капельки слез, - Забыл о всем, что было? Что ты сделал?

Отец молчал. Он лишь всхлипывал, валяясь около стенки.

-Ты помнишь о том, как я пошел в первый класс? Помнишь, как мне подарили игрушечную машинку на первый день знаний? Помнишь, как ты разбил ее? Помнишь, как ты разбил мой самый первый черно-белый телефон? Помнишь, как я получил первую двойку? Она была по физкультуре. Я тогда на целый день заперся в шкафу. Ты помнишь о том, что произошло с Тамилой? – с грустью я смотрела на него. Слабого и немощного, - Неужели ты и правда забыла? – я продолжила свой рассказ.

Когда я был маленьким, все было, казалось, замечательно. Я не задумывался ни о чем серьезном в своей жизни. Для меня отношение родителей ко мне было нормой. И я так же не задумывался об отношении родителей к своей старшей сестре. Меня постоянно избивали за любую провинность, как и Тамилу. В пять лет меня заставляли пылесосить, убираться, мыть полы, стирать вещи, мыть посуду, так же, как и сестру.

В то время, как мы убিরались, наш отец сидел играл в компьютер, попивая пиво и ни о чем не беспокоясь. Наша мать лежала на диване, смотрела телевизор и говорила, что устала после рабочего дня. Отец и мать обо мне никак не заботились. Отец вообще не выходил из своей комнаты. Он возвращался в четыре часа вечера после работы и выходил только в туалет или на кухню. Мама же возвращалась поздно вечером. Она с порога начинала кричать на нас. Ей было достаточно даже того, что мы не убрали пару обуви с ее пути. Доходило иногда до того, что если мы ее не выйдем поприветствовать – она на нас обижалась и избивала. Что уж говорить о том, если мы с сестрой не сделали того, что она нам приказала перед уходом на работу.

Так произошло, что мы с Тамилой были нужны родителям только для уборки и для вымещения своей злобы. Я помню, как в одну из ссор с Тамилой, мама прямо так и сказала: «Я рожала вас для того, чтобы вы убирались, а не для того, чтобы заботиться о вас». Тамилла тогда убежала к себе в комнату вся в слезах. Через несколько минут мама встала с дивана и пошла в комнату к моей сестре. Тогда раздавались громкие крики моей матери и визг Тамилы. Я же в тишине сидел в углу с игрушками, боясь издать хотя бы самый маленький звук.

Так уж произошло, что Тамилла стала заменять мне родителей. Она вставала утром, одевала

меня, кормила тем, что смогла найти в холодильнике, отводила меня в садик, забирала меня из него вечером, гуляла со мной, ее даже заставляли готовить мне или отдавать свою еду, так как родителям было лень самим идти на кухню. Они вообще не готовили. Мама с папой покупали только готовую еду, но чаще давали деньги сестре, чтобы она сама ее купила. Мы, можно сказать, были прислугой. Отцу было нормой позвать нас из своей комнаты и приказать нам принести ему воду или приготовить чай, матери, лежащей на диване – приказать нам приготовить ей что-нибудь.

Тамила мне рассказывала, что, когда бабушка была жива, а меня еще не было, жизнь была другой. Бабушка тогда мешала родителям бесчинствовать, но когда она умерла – Тамила стала жить так, как мы жили тогда.

Отец часто пил. Очень часто. Бывало, он неделями не выходил из запоя. Вечерами ему могло что-то прийти в голову, и он начинал избивать маму, Тамилу и меня. Мама отказывалась обращаться в полицию и угрожала моей сестре, если она сделает такое. У Тамилы было много сотрясений головного мозга, были ушибы по всему телу. Из-за этого у нее часто болела голова. Очень сильно. В такие приступы она могла только обессиленно лежать на кровати и стонать от боли, прося меня принести воды или обезболивающего. Отцу и маме было на нее все равно. Они посылали ее в магазин или заставляли убираться, даже когда ей было плохо, а пьяный отец мог избить ее в такие моменты за притворства.

Время шло. Я уже заканчивал садик, когда Тамила нашла себе парня. Он всегда был с ней. Они вместе сидели в ее комнате, вместе гуляли, забирали меня из детсада. Он был отличным парнем. До такой степени, что помогал убираться, готовить, мыть посуду, стирать вещи мне и Тамиле. Тамила пыталась отговорить его, но он ничего не слушал. Он даже дарил подарки мне и Тамиле в виде одежды или игрушек, так как нашей одежде было минимум по несколько лет. Он мог гулять со мной, играть, разговаривать. Я делился с этим парнем всем: что у меня нет друзей, что никто со мной не хочет играть. На все мои жалобы он пытался успокоить и приободрить меня. После очередного избиения сестра сразу звонила ему, а он терпеливо ее успокаивал. Мне тогда было очень одиноко, пусть он мне и нравился. Родители были против их отношений, и это сыграло злую шутку с Тамилой.

Я только-только пошел в первый класс, когда случилось непоправимое. Отец тогда напился и решил выгнать парня Тамилы, который спокойно смотрел с ней фильмы в ее комнате. Он ворвался в ее комнату и начал кричать, выгоняя его. Тамила тогда встала на защиту своего парня. Когда отец вдруг решил уйти к себе, она быстренько спровадила своего возлюбленного. Он не хотел уходить и оставлять ее в такой момент, но она была очень настойчива. Когда Тамила закрыла за своим парнем дверь, отец вышел из своей комнаты, держа в руках нож. Он схватил ее за волосы и приставил нож прямо к животу, угрожая ей не дрыгаться и не дергаться. Я был испуган, но рванул к ним, пытаясь оттянуть отца за ногу от своей сестры. За это я получил несколько сильных и увесистых пинков. В тот момент мама спокойно спала под громкие крики на диване в зале.

Тот вечер поистине стал для меня ужасом, но больше всего изменилась Тамила. В ее глазах погас огонек жизни. Он лишь изредка появлялся, когда ее парень пытался попасть к нам в квартиру, но она его не пускала. Я не знаю почему. Я впервые видел ее такой расстроенной. Даже, когда мама избивала ее за двойку, тройку или четверку, полученную в школе, Тамила стойко выдерживала это. Я помню, как она плакала, сидя у входной двери, а ее парень долбил, стоя по ту сторону этой двери.

Одним жарким днем я, как обычно, ждал Тамилу у входа в свою школу. Ждал, надеясь, что она меня поскорее заберет домой, накормит и поможет сделать уроки. Но она все никак не

приходила. Тогда я впервые пошел один домой. Было страшно, но школа находилась недалеко от нашего дома. Я спокойно достал из портфеля свой ключ, поднялся на нужный этаж и вошел в квартиру. Она была пустой. Было тихо и очень страшно. Я начал обследовать комнаты, но все были пусты, но только в комнату Тамилы была закрыта дверь. Дрожащими руками я открыл ее. В тот миг... Земля остановила свое вращение. Прямо посреди комнаты висела моя старшая сестра. Я не кричал, не плакал, не боялся.словно в тумане я прошел вперед и дотронулся до твердой окоченевшей ноги своей любимой сестры.

-«Тамила», - тихо позвал я, смотря на иссиня-бледное лицо своей сестры.

Ее рот был открыт, как и веки. Казалось, что она просто играет со мной. Внутри меня тогда было фантастическое спокойствие. Я вел себя так, будто ничего и не произошло.

Весь тот день я спокойно играл в своем углу с игрушками. Дверь в комнату Тамилы была открыта, и я мог спокойно видеть ее.

Когда пришли родители, они плакали, обнимали ее, причитали и говорили, что не понимают, зачем она так сделала. Мне же было все равно. Внутри меня, будто все опустело. Вскоре были похороны. Меня на них не взяли, а как обычно отправили в школу.

С тех пор моя жизнь стала сущим адом. Всю злость родители уже срывали не на нас, а на мне. Стоило мне не сделать домашнее задание – наказание, стоило мне не убраться – наказание, стоило мне получить два – наказание, стоило мне не победить в олимпиаде – наказание. Поэтому, чтобы не испытывать боль, я старался все делать идеально, но даже так меня продолжали наказывать. Родители объясняли это тем, что делают так ради меня, ради моего блага, что я еще маленький и не знаю, что мне в жизни нужно. Что я должен их слушаться, так как они опытные и мудры. Я никак не отвечал. Они воспринимали это, как согласие. И такое ко мне отношение продолжалось еще много лет. Может быть, потому что я больше не испытывал другое к себе отношение, то считал это нормой. Я не общался на эти темы с другими, поэтому не знал, как обстоят дела в их семьях.

Но... В моей жизни появилась Вера. Она показала мне, что не обязательно страдать, чтобы жить, показала, что я могу жить лучше. Тогда я понял все чувства Тамилы. Я забывал про всю боль, когда был рядом с Верой, забывал про все, что мне приходилось испытывать. Я всегда стремился быть рядом со своей возлюбленной. Я боялся ее отпустить от себя даже на несколько метров. Когда мы шли вместе по улицам, я крепко сжимал ее руку и не отпускал никуда. Все в мире, кроме нее, не имело значения. Я даже не сопротивлялся, когда родители выбрали для меня университет, направление, обучение. Для меня было главным то, что я смогу потом быть с Верой. А если такое произойдет, то уже будет неважно все, что было до этого.

Я погиб. Погиб, и всем моим мечтам не суждено было сбыться. Я оставил свою прошлую жизнь, но даже и не думал, что обо мне забудет тот, кто портил мне ту жизнь. Тот, кто сейчас воеет, скорчившись прямо передо мной. Мой отец.

-Так ты вспомнил меня, папа? – я упала на колени.